

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

Председатель Российского детского фонда

ЧТО ОБЕЩАЕТ ДЕТСТВО

1

Всю жизнь поражаюсь явно выраженному непризнанию приоритета детства. Когда хотят о чем-то отчитаться, вначале всегда следуют квадратные метры и кубометры, суммы и проценты, размеры, расстояния, словом, любые параметры – слов нет, необходимые при расчетах, – и только потом, в последнюю очередь, поминается пресловутое “материнство и детство” при подзабытом, конечно же, отцовстве, как некая тяжкая, гирей тянущая вниз, необходимость.

Удивительно! Ведь логика продолжения жизни от рождения человеческого идет. Точнее-то, с предпосылок благополучного рождения, которое, увы, сплошь и рядом отсутствует или действует ненадежно. И уж, во всяком случае, любой экономический и социальный прогноз, накрепко повязанный с политическим решением, и начинаться должен с простой арифметики: сколько у нас сегодня детей? сколько из них и в каком качестве доберутся до взрослости? какую судьбу мы приготовили им через 15–17 лет? как и кому они станут нужны, да и на что способны будут?

Назовем этот вектор мысли и практики привычным, простым, экономически и социально отработанным, потому что *так было* многие годы и, видимо, *так надо* мыслить впредь, к чему подводит нынешняя невнятность развития именно этой части социума.

В привычном отношении к детству *расчетность* и *осторожность* выходят на первый план. Практика последних двух десятилетий показывает, что так называемая реформаторская разрушительность наибольшего успеха, то есть разрушительности, достигла именно применительно к детству. А в конечном счете, к государству.

Азбучная истина. Что надо сделать, чтобы детей рождалось *меньше*? “Элементарно, Ватсон”, – сказал бы Шерлок Холмс. Только в нашем случае и Холмсом не надо быть. Чтобы ударить по детям, достаточно как следует стукнуть родителей. Выбить у них почву из-под ног: снизить зарплату, повысить цены, лишить работы, закрыть эту самую работу (завод), точнее – *позволить закрыть* вновь явленному частнику, за которого государство теперь не отвечает, но берет с него налог, если он, этот частник, доходит.

Еще недавно российская семья зарабатывала не ахти что, но квартплата была грошовая, детсад – доступен, обучение школьное и высшее, не говоря о лечении, бесплатное. И нация, не журуя и не ставя этой цели, *могла себе позволить* одного-двух, реже трех детей, обеспечивая элементарное демографическое воспроизводство.

Но когда этого лишают целый народ, это – что?

Посмотрите результат. В общей возрастной структуре населения в 1991 году было 40.152.440 детей. В 2008 году эта цифра составляла 27 миллионов.

Как можно определить “усушку” и “утруску” детского населения за 17 лет? Потерю целых 13 миллионов? Оставляю дипломатию дипломатам и означу эту воочию явленную нам данность как *необъявленную войну детству*, завершающуюся позорной победой самими над собой.

О, сколько мудрости в пушкинском пророчестве: “народ безмолвствует”. Он, безмолвствуя, бедствуя, лишаясь работы, теряя уверенность, социальную, то есть материальную, и всякую прочую – медицинскую, образовательную, культурную опору, пьянствуя, рожая в безбрачии и разводясь при первом скандале, не по дням, а по часам утрачивая нравственные устои, стыд, совесть и надежду, – потому как видит окрест блистательные образцы воровства и коррупции сверху донизу – в конце концов приходит к главному и трагическому решению – *отказывается рожать*.

Молчаливо отказывается продолжать себя.

И речь не о каком-то недостатке, пустяке, малости, но о неслышимом стоне России, о плаче нерожденных детей – самом негромком, но самом существенном признаке самоуничтожения.

Есть такое понятие – точка невозврата. Справедливо спохватившись, власть придумала “материнский капитал”, который можно в отдаленном будущем присовокупить к материнской пенсии, а теперь оплатить им жилищный кредит. Кто-то откликнулся. Но кто? Расскажите. И в этом рассказе, если он окажется честным, мы услышим немало грустного. По этническому статусу, как известно, у нас учета теперь не существует. Много и иных недоумений – почему нельзя тратить деньги, если они нужны на лечение ребенка? Впрочем, еще прежде напрашивается вопрос – а почему вообще стало необходимо платить за лечение детей?

Так вот – точка невозврата. При скорее пропагандистской, нежели социальной идее “материнского капитала”, полезном, но слишком уж микроскопическом и явно “нерешающем решении”, точку невозврата в 13 миллионов детей мы прошли. Капиталами, пусть даже гуманными и полезными, столь глобальную массу “нерожденных”, с одной стороны, и “выросших” – с другой, не восполнить.

И это значит только одно – нужна новая политика и практика. И не только узкая, отраслевая, называемая “материнство и детство”, а всеобщая, повышающая благосостояние нации. В сущности, требуется новая социальная реконструкция, и страна располагает для этого целой армадой здоровых экономистов, социологов, политологов, но их почему-то никто не слышит. Не только для меня очевидно – число детей убыло *катастрофически*. Эта убыль не может быть восполнена обычными мерами и всевозможным социопиаром. Оно может быть восполнено заботой, прежде всего, о *родительстве*, выравниванием социального статуса миллионов граждан, если и не полной ликвидацией социальных порогов между богатыми и бедными, то экстренным сближением этих уровней, даже принудительным.

Без силы здесь не обойтись. Я не про “отнять и поделить”, а про социальную справедливость, политическую волю и, если хотите, применение этой силы воли для спасения России, ее детства, без которого в скором будущем не останется и взрослости.

2

Теперь про вектор “детской” мысли и практики – не привычный, а *экстремальный*, который анализирует данность, то, что есть, но что, чаще всего, не явилось само по себе, а тоже продукт развития социальной практики.

“А пропó”, между прочим, замечу, что почитаю Александра Сергеевича Грибоедова с его “Горем от ума” самым что ни на есть современным сочинителем.

Чего стоит одна только его фраза о смешенье “французского с нижегородским”, поистине исторический диагноз российского, – может, врожденного, что ли? – лизоблюдства и низкопоклонства.

Существовавший в стране родительский – да и учительский! – мир выучивал целые поколения грамотных людей, возвысивших державу до космоса, ядерного синтеза, высот в науках, прежде на Руси неведомых, и вдруг кому-то захотелось, чтобы дипломы наши признавались Западом. Но разве Запад наш братский что-нибудь хоть раз бескорыстно России предложил? И замысел-то соблазнительно прост – хотите, чтобы детки ваши в парижках служили, разделите общий вузовский результат на два уровня – магистрат и бакалавриат, а школьные знания сведите к компьютерному обмеру по имени ЕГЭ. Ну чем не блистательная иллюстрация смешенья “нижегородского с французским”?

И вот без всякой на то государственной нужды, искусственно внедрен единый государственный экзамен в школе, на котором проверяются не знания, а выбирается правильный ответ. Эти потуги тотчас привели к позорному результату.

В 2008 году экзамен сдавали (закончили школу) 1.097.690 человек. Двойки по литературе получили 25,3% или 277.715 человек, по математике – 23,5%, или 257.957 выпускников. 11% детей (больше 100.000 человек) получили двойки сразу по математике, литературе и русскому языку. Но – вот поразительно! – всем двоечникам прибавили по одному баллу, так что сообразительные просто сдавали чистые листы и получали аттестат. Главная отметка ЕГЭ – тройка. По химии ее получили 36%, или 395.168 выпускников, по биологии – 45%, или 493.960. А что с отличниками? 100-балльников по разным (но не всем предметам) всего 989 ребят во всей России! По русскому языку – 620 человек, по математике – 62, по физике – 86, по химии – 42, а по иностранным языкам – ни одного!

Итоги ЕГЭ 2009 года могут радовать только при умышленном нежелании трезво разглядеть его последствия. Ну, во-первых, 30.000 выпускников вообще получают справку, что они “прослушали курс” 11-летней школы. Ничего себе прослушали! Не слишком ли накладно это слушание как для державы, так и для семьи? И не слишком ли безответственна школа, получившая возможность не учить в течение 11-ти лет, не требовать, а отделяваться подобными справками? Может быть, тогда ввести оценку “успешности” школы числом таких справок и вводить против нее некие экономические санкции, как всюду: дурная, недоученная “продукция” – меньше за это и получите. А то и вовсе расплатитесь за брак!

Но я-то полагаю, что наряду с юношеским разгильдяйством, нежеланием учиться, плохой подготовкой вступило в действие как значительный фактор непонимание вопросов, задаваемых заочными экзаменаторами, словно в дурных кроссвордах – о чем, кстати, не раз писали учителя-практики. В том числе – неверный ответ диктуется неверно, даже вульгарно поставленным вопросом, а часто – просто произвольно.

И уже тогда экзаменационная псевдоинновация выливается или в некомпетентность организаторов, или в искусственные препятствия, технологически, а значит – анонимно, выводящие часть выпускников в мусорную корзину. Странная сепарация на сливки и ополоски. Кто ее заказал?

Вывод же прост как полено: современная система образования уже создала в России неграмотное, кое-как обученное поколение, про воспитание молчу, потому как за него никто не ответственен: у нас ведь теперь не министерство просвещения, а министерство образования!

Но простите за наивный вопрос: зачем, с какой целью? Отличников, особенно в естественных и точных дисциплинах, у нас Запад и так слизывает языком – едва ли не всех кряду. Это во-первых. Во-вторых, результат ЕГЭ, кажется, внятно свидетельствует, что полуграмотная молодежь из России станет востребована там не на передовых рубежах науки и техники, а, в лучшем случае, в сфере услуги, чему свидетельством – множество драматических автобиографий. В-третьих, почему, имея когда-то лучшую школу в мире, это мы стали подстраиваться к западным стандартам, а не Запад к нашим?

За всем этим стоит основной и непростой вопрос: а у нас-то у самих где пригодятся сотни тысяч этих полузнаек? В торговле, в менеджменте, в милиции? Но ведь все это сферы не созидающие, не производящие, а исполняющие обмен или, в лучшем случае, надзор. Как же станет выглядеть держава меняя, пусть и оптовых, да блюстителей, порой неизвестно чего? С кем и в чём сможет она состязаться?

И очень сомнительно звучит аргумент власти: дескать, ЕГЭ освобождает образование от коррупции. Может быть, прямых взятки простым репетиторам, которые сидят в вузовских приемных экзаменах, будет и поменьше, не спорю. Но валовый, по баллам, прием тысяч и тысяч людей на какую-то там специальность может совершенно не соответствовать – не баллам, а смыслу, готовности, существу их грядущей профессиональной подготовки. Принимать по баллам, простите, то же самое, что покупать – ведь за немалые бюджетные деньги на последующую учебу – лошадь, не заглядывая ей в пасть (это народный способ узнать о здоровье коня).

Скупая, не глядя, целые поколения молодых людей, вводя, по существу, их в заблуждение насчет их же самих, государство создает неведомую пока новую систему “производства нетребуемых”, механизм молодого самообмана, по сравнению с которым коррупция приемных комиссий окажется по последствиям просто детским лепетом.

И тут в самую пору вернуться к *привычному* вектору детской политики, которая вполне недетская.

В начале 2009 года, с тех пор, как был признан кризис, стали слышны вопли власть имущих, которые, впрочем, априори за все это и отвечают. Мэр Москвы озаботился проблемой: множество выпускников столичных вузов ходят безработными. Вот те на! Но куда же смотрели пять-то лет назад с небольшим, когда ребят этих в студенты принимали? Нельзя было посчитать, что произойдет, когда они вузы закончат и станут спецами? Оказалось, нельзя. Оказалось, вузы брали – берут и будут брать! – столько, сколько возьмется (на платные отделения). А бюджетные места в общем хаосе – и экономическом, и политическом – планировать тоже некому.

Выходит, и тут власть далека от простой меры – спрогнозировать заранее, что станет с подрастающими детьми в обозримом будущем.

Прогноз – вообще самое слабое место нашей государственной практики.

3

Школьный выпускной – первый итог для всякого человека. Как бы ни были бедны или, напротив, состоятельны родители, перед выпускником – и, может быть, именно в этот день – волей-неволей встает к нему лично обращенный вопрос: а что ты сам можешь?

Честно говоря, этот вопрос для многих уже запоздал. По каким позициям?

В наши нынешние времена слабые знания, неразвитость, неинтерес к учению, выход на первый план мнимых целей, несущественных знаний и поверхностных интересов завладевают человеком очень рано. На мой взгляд, если раннее школьное детство обычных детей еще спасаемо, – только к этому спасению надо школе, да и государству в целом, приложить больше средств, больше вложить самых прямых инвестиций, – то, начиная класса с 5-го, когда дети вступают в отрочество, а потом в юность, следует уже не строить душу, а её перестраивать, капитально ремонтировать.

При этом хорошо известно, что капремонт всегда дороже нового строительства.

Про состояние здоровья школьников давно и много говорится профессионалами здравоохранения, и я не буду этого повторять. Дети, учась в школе, теряют зрение, становятся не сильнее, а слабее физически. Культ физической культуры и спорта в самых массовых, школьных формах покинул образование, уступив место массовому курению, массовому потреблению слабого алкоголя – “кто за клинским?”, приводящим к созданию снивелированного сознания стандартности, сознанию толпы. Наконец, к токсико- и наркомании: долгое время по прессе бродила цифра в 3 миллиона школьников, хоть раз попробовавших наркотики. Какова эта цифра сейчас?

Еще одно подлинное, но замалчиваемое бедствие, так сказать, массовая “инновация”: преждевременный секс. Школа под влиянием западных стереотипов не восстала против раннего секса, а принялась за предупреждение школьной беременности, контрацепцию. Иные головы предлагали устанавливать в школах западные автоматы со средствами предупреждения! Дескать, с сексом бороться бесполезно, так давайте предупреждать школьную беременность, аборты и их неприятные последствия.

Всё сдали взрослые – и национальные традиции, и русскую нравственность, и православное целомудрие! Не такой уж понадобился и боевой жим противника, чтобы многие, – и родители, и учителя, – предательски покинули окопы чести и морали, уступив место – чему?

Уступка сия носит в конце-то концов не только этический, но и сугубо экономический, если хотите, смысл. Во всяком случае, развивающий внутреннюю неустойчивость, заниженную ответственность и перед собой, и перед окружающим. Малый социум, под которым я разумею семью и школу, слишком легко смиряется с непутевостью, со слабостью что в труде, что во взглядах подрастающего дитя.

Физическая близость – чаще всего неразборчивая, бытовая, – стала данностью молодой части общества. Не только юношество, отрочество, но уже и дети включены в эти соблазнительные “труды”, полагая, что учатся взрослости.

Вот характерная цитата из Государственного доклада “О положении детей в Российской Федерации” Минздравсоцразвития (2006 год): “Ежегодно в России погибает 15 тысяч несовершеннолетних в возрасте до 14 лет, из них 50% умирает от неестественных причин, и более 2.000 становятся жертвами убийства или тяжких телесных повреждений”.

Еще откуда же.

“В 2004 году на территории РФ зарегистрировано свыше 50.000 преступлений, связанных с насильственными действиями против несовершеннолетних. 6.000 стали жертвами преступлений, связанных с действиями сексуального характера: 2091 ребенок изнасилован, 2103 подверглись насильственным действиям сексуального характера, 1086 – развратным действиям”.

Из самого свежего заявления Президента Д.А. Медведева: в 2008 году жертвами насилия стали 126.000 детей, в результате погибли 1914 ребят, 2330 детей “подверглись насилию” и “получили тяжкий вред здоровью”. За 9 месяцев 2008 года совершено 784 случая “сексуальных действий” против несовершеннолетних. Заметим, только зарегистрированных, выявленных. Двенадцать с половиной тысяч детей находятся в розыске. А это значит, многих из них не найдут никогда.

“За последние годы”, как свидетельствуют некоторые документы, “действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста” увеличились в 30,8 раза (по сравнению с чем?), “развратные действия” в 3,6 раза, “изготовление и сбыт материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних” в 10 раз (опять, в сравнении с чем?). “Количество только выявленных фактов вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией” выросло в 11,8 раза. Как утверждает МВД, количество сайтов с детской порнографией увеличилось почти на треть, а “количество интернет-материалов с детской порнографией” увеличилось в 25 раз. В самый раз спросить МВД: а может, вам не считать все это надо, а просто прихлопнуть? Чего не хватает-то? Силушек? Компетенции? Чьего-то приказа?

По оценкам независимых экспертов, число подобных грязных ресурсов достигло уже более 300 миллионов web-страниц. При этом средняя посещаемость одного сайта составляет около 30 тысяч человек в месяц!

А что сказать о детской проституции? О торговле детьми для тех же целей? О добровольной развратности детства? Кто и как очертит эти границы?

Мой знакомый, доктор медицинских наук, один из светил детской невропатологии, и он же священник, глава Душепопечительского центра при Крутицком Патриаршем подворье отец Анатолий (Берестов) утверждает, что недозволенный, ранний секс не просто грех, но очевидное разрушение человеческой органики. Такой человек, в сущности, совершенно еще не устоявшийся, теряет целостное восприятие мира, смотрит на окружающее псевдо-взрослым чиничным взором, видит только плохое и ждет только его.

Детский секс приводит к задержке или остановке психического и интеллектуального развития, сосредоточившись лишь на своей узенькой псевдоцели. Это ведет, так сказать, к “боковым” последствиям – всегда связано с курением, выпивкой, свободой слововыражения и, в конечном счете, с примитивом сознания.

В поисках мнимой самодостаточности дети становятся грубы и конфликтны с близкими, выходят из-под контроля семьи и ближнего позитивного социума, легко вписываются в криминал, становятся его жертвами, а потом и

участниками. Чувство ответственности перед кем бы то ни было стирается. И, как правило, собственная жизнь идет кувырком.

Еще неустоявшийся организм – и физиологически, и психически, слабый и телом, и духом всю свою энергетику тратит на интимный акт. Его сознание посвящено преждевременной цели, а духовная работа, интеллектуальное развитие сокращаются, снижаются, вообще исчезают. Это происходит сплошь и рядом.

Важная часть жизни человека, начавшаяся слишком рано, до естественно наступающей зрелости, выматывает его, не дает накопиться взрослой энергетике, тратится попусту и опрIMITивливает, оглуляет личность, делает ее мельче, грубее.

Можно спросить, не слишком ли много внимания я уделяю этому непубличному фактору? Нет! Ведь если речь идет о целой генерации, можно доказательно утверждать: ранняя греховность опроцает, выхолащивает огромные человеческие пласты, которые теряют свою историко-генетическую самоценность, не интересуются, кто они и зачем явились в этот мир. Это поколение жрущих, пьющих и немногого требующих гомосапиенс, уже органически созданного быдла, о котором кое-кому так мечтается за рубежами нашего милого отечества. Да и в рубежах тоже.

Пьющие, жрущие, бездумные и бесчувственные соискатели “хлеба и зрелищ” – это всегда и только “серветёры”, обслуга кого-то, зачем-то и почему-то. Но не здоровая нация, полная энергии и желания продолжить добрые дела предков во имя упрочения Отечества!

Всякая массовая нравственная аномалия всегда таит в себе экономическую “фигу”. Великое множество потребительствующих, ложно сориентированных, невысоко парящих “птиц” ненадежно по всем параметрам: им недоступен высокий профессионализм, достойная цель, они неспособны цементировать собой семейные отношения – помогать, прощать, улучшаться. Неспроста у нас на 100% регистрируемых браков разводов теперь приходится 85–90%.

Наивно полагать, что все это неуправляемые процессы. Напротив, они свёрхуправляемы, и осознание этого обстоятельства вызывает естественный человеческий протест. Чья-то цель – сделать страну державой дураков – почти осуществилась, и оказалось, что процесс этот занял не так уж и много времени. Сила инерции набирает все ломающую мощь. Настает момент несоответствия ложной практики созидательным целям и конструктивному смыслу государства.

Но кто сказал, что процессы распада, намеренного разложения и разрушения история проглотит молча, не разжевывая?

Таких примеров цивилизация не знает, но знает примеры исчезнувших цивилизаций.

4

Однако вернемся к детям “экстрима”, к тем, кто явлен к жизни. Но какой? Каково качество русского детского мира пусть хотя бы и объемом в 27 миллионов душ?

В стране почти 800 тысяч детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. Прибавим к этому, что, пересекая статистическую черту 17-летия, возраста взрослости, дети-сироты просто-напросто становятся взрослыми-сиротами, и наша социальная система освобождает себя от заботы об этих людях. Число ежегодно вновь выявленных сирот и детей, лишенных родительства, за последние 20 лет составило около 2 миллионов.

О тяготах и угрозах, которые создает государству один только сиротский мир, говорю и пишу третий десяток лет, и выходы из кризиса существуют, хотя, конечно, это, в любом варианте, обременяющее дело, самостоятельный раздел социальной экономики. Особых и самых дорогих усилий потребует жильё для этих детей, когда они достигают совершеннолетия. Но особая печаль – утрата родственных уз. Впрочем, и это еще не все. Но об этом – не здесь. Тут уже речь не о дорогостоящем капремонте детской жизни, точнее, не только о нем. А об огромной застройке страшного пепелища. Это касается всего детского “дна”.

В стране 700 тысяч детей-инвалидов. Большинство из них остаются в семьях, и тогда благополучие семьи резко падает, хотя и так-то эти семьи нахо-

дятся в зоне бедности. Передача маленького инвалида в интернатное учреждение при всех усилиях не самого лучшего персонала и крупных госзатратах остается малоэффективной.

В стране существует – и никуда от этого не деться – мощная система специальных (коррекционных) школ-интернатов, как назвал их один сочинитель – “школы для дураков”. Таких заведений в 2006 году было 1342 (из них 232 – для детей-сирот), и там проживали 157,2 тысячи детей, в том числе 24,5 тысячи детей-сирот. Огромная, тяжелая, дорогостоящая и печальная обязанность государства! Но какая же безысходность кроется в ней! Дети, которым по справедливости ли, по диагнозам или по хотению взрослых навесили ярлык – ЗПР, задержка психического развития, – получают одноразовый приговор навсегда и априори не могут со дна подняться! В этих школах детей кормят, поят, одевают, кое-как за ними присматривают и ждут не дожудят, когда – или выпустят в какое-никакое ПТУ (где они?), или в следующую богадельню – уже для взрослых.

Здоровье (нездоровье) детей – наверное, самый болезненный признак здоровья (нездоровья) страны в целом, включая любые ее возможности и надежды.

Но если у нас осталось 27 миллионов детей, что означает статистика, по которой в 2006 году зарегистрировано больных детей от 0 до 14 лет с диагнозом, *установленным впервые в жизни*, – 37 миллионов 388 тысяч, а подростков 15–17 лет – 7 миллионов 593 тысячи? А означает эта статистика не что иное, как детскую заболеваемость: у одного ребенка в течение года может быть *впервые в жизни* обнаружен не один диагноз, а два-три-пять... сколько еще?

Но ведь есть же и совершенно здоровые дети. Значит, все остальные имеют по два и более диагнозов, опять же установленных впервые в жизни.

А не впервые? Дети от 0 до 14 в 2005 году – 36 миллионов 837 тысяч, а 15–17 лет – 7 миллионов 730 тысяч. В 2004 году – 36 миллионов 471 тысяча (первая группа), 7 миллионов 802 тысячи (вторая). В 2003-м – 37 миллионов 118 тысяч (первая), 7 миллионов 802 тысячи (вторая). В 2000 году – 38 миллионов 225 тысяч (первая), 6 миллионов 621 тысяча (вторая).

Конечно, можно считать, что часть детей от каких-то диагнозов избавилась (вылечилась). Но ведь к ним постоянно прибавляются те, у которых все выявилось, повторяю – впервые в жизни. И, несмотря на то, что, скажем, малыш, почти всякий, переносит немало вроде бы естественных болезней, общая статистика просто уничтожающая: *нация больна с детства!*

Дети, проживающие в малоимущих семьях. Таких детей до 6 лет в 2002 году было 2,1 миллиона человек, от 7 до 15 – 5,8 миллиона, а учета таких детей 16–17 лет не существует. Сократилось ли число малоимущих семей за прошедшие годы? Можно определенно сказать – выросло. А как оно выросло в связи с кризисом? Из-за безработицы родителей?

Число несовершеннолетних, состоящих на учете в милиции, в 2002 году составило 363,2 тысячи, из них до 13 лет – 81,5 тысячи, 14–15 лет – 133,6 тысячи, 16–17 лет – 171,3 тысячи.

Число осужденных несовершеннолетних – 88.334 тысячи человек. Кстати, все те же отчаянные дети, называемые несовершеннолетними людьми, совершили 2.526.305 преступлений. Повторю: есть предположение, что 3 миллиона школьников попробовали наркотики.

О беспризорности сегодня почти не говорится. Дети, которые попрошайничали вокруг вокзалов больших городов, как будто исчезли, – их рьяно отлавливает милиция, их передают во временные приюты, потом отправляют по месту жительства, и кругооборот повторяется. Но ведь и дети чему-то научаются. Беспризорность обрела скрытые, часто камуфлированные формы, статистические показатели на эту тему звучат приглушенно, а число задержанных несовершеннолетних составляет 1–1,5 миллиона в год.

Но вот цифра, говорящая сама за себя: в 2007 году в 3358 учреждений, специально созданных для социального обслуживания семьи и детей (тут и приюты, и кризисные центры для родителей, и реабилитационные центры для детей), обратились и обслужены 11.923.624 человека. И все они без преувеличения, – и дети, и их родня, – в полном смысле слова бедолаги. В школах не обучалось в 2007 году 21.223 ребенка – по разным причинам: от состояния здоровья, “материального положения” до “необучаемости” – это при ве-

ликой русской школе коррекционного образования. Впрочем, в 2003 году таких детей было 40.579.

Возвращаясь к беспризорным, приведу публичную статистику. В 2007 году в лечебно-профилактические заведения было доставлено 58.304, в 2006 – 64.361, в 2005 – 65.587 детей. Подавляющая масса госпитализирована. И что дальше?

А дальше поправившихся отправили в центры временного содержания несовершеннолетних МВД (то есть преступивших черту) 321 (в 2007 г.), в учреждения здравоохранения – лечиться дальше – 9.198 (тоже в 2007 г.), умерло 111. И есть любопытный в этой статистике раздел: “прочее”. В “прочих” оказалось 48.714 детей (в 2007 г.), 52.679 (2006 г.) и 53.423 (2005 г.) Что за “прочее”? Да проще не бывает. Ушли на волю, в новое продолжение беспризорничества, выбыв из сферы внимания государственных органов. Что тут скажешь еще?

Не стану приводить данные о числе браков и разводов. Вторая часть этого соотношения просто удручает. На мой взгляд, оно тесно связано с тем, что говорилось выше. В качестве же непрямого экономического осадка надо признать очевидные слабости неполной семьи – и морального порядка, и социального уклада, и финансового положения детей.

Все эти обстоятельства порождают нестабильность детства – его неуверенность в бытовом пространстве, в близком и отдаленном будущем, особенно при введении платной медицины и высшего образования и почти полного отсутствия образования среднетехнического, разнообразных в прошлом ПТУ и техникумов, которые, не закрывая двери в вуз, давали достойный оптимум в качестве перспективной рабочей профессии, для сирот так и вовсе спасительной.

5

Так что если сложить все группы детей, находящихся в состоянии нестабильности, а то и прямой депривации, по самым скромным прикидкам набегает цифра порядка 10 миллионов. Из 27. Весьма приблизительная, неточная цифра, но пусть будет даже так...

10 миллионов людей, только начинающих жить и не имеющих твердой надежды в собственном будущем?

Что это?

Вопросы политики? Еще какие!

Вопросы образования и воспитания, всего того, что прежде справедливо называлось просвещением, включая в это слово такое важнейшее понятие, как цель молодой жизни, ее смысл.

Вопросы экономики? Но какую же экономику можно построить, если строители её, её исполнители, её работники – люди без смысла и знания, без семьи, с преступным началом, а то и просто больные – пассивные потребители экономики, которых нельзя же бросать!

Экономика без людей невысказана, сие сиречь азбучная аксиома.

Но ведь люди, слабые и сильные, приходят во взрослость из детства. И вполне ясно, что, значит, детство – важная часть не только экономики, но сегодняшней практики и завтрашней истории государства.

Чем больше в детство вложишь, тем больше от него получишь.

Доходов или убытков. Славы или беславия. Взлетов или падений.

Инвестиции в детство – первое и краеугольное условие развития.

6

Собственно, этой безрадостной констатацией и можно было бы завершить контурную карту детских бед. Контурную, потому что собственное пространство детства достаточно серьезно разработано.

Если говорить о детях с действительными отклонениями развития, то у нас в стране давным-давно существует одна из самых продвинутых практик их защиты, коррекционная педагогика, создаваемая в очень трудные времена – предвоенные и послевоенные.

Имя Макаренко практически удалено из русского образовательного поля, хотя в Германии, к примеру, его опыт перевоспитания и практика спасения

молодых людей, преступивших закон, признаются непревзойденными.

Что касается детского здоровья, точнее нездоровья, то я глубоко убежден в необходимости преодоления – какого-то пролома, что ли, в межведомственном заборе между образованием и здравоохранением, особенно на уровне начальной школы.

И здесь есть блистательные отечественные образцы, которые надо давно внедрить в массовую практику.

Например, в Нальчике (Кабардино-Балкарская республика) многие годы действует по сути авторская школа Галины Ивановой – городская прогимназия № 34. По существу, это зеленый городок в и так-то зеленом Нальчике, со множеством двухэтажных зданий. Здесь живут и учатся 500 детей, и фактически это детский сад, переходящий в начальную школу. Классы совершенно не похожи на обычные. Это, скорее, домашние комнаты, уютные, создающие в детях чувство комфорта. Полностью снимающие всяческое беспокойство. Наполняемость невысокая: 10–15 учеников. Перед классом – как бы предкласс, где можно даже просто поваляться. С каждым классом и предклассом состыкована обеденная комната.

Самой организацией учебы снято даже подобие напряженности, да и учительница похожа на маму. Учеба становится не трудностью; здесь учебой не наказывают, а вознаграждают. Одна из главных задач – соединить ребят в некое содружество, товарищеский кружок, а не в некий венлок противоречий.

В пятый класс, в другую школу, ребят и передают-то не поодиночке, а всей группой, заключая с ближними школами соответствующие договоры и опекая какое-то время своих выпускников там, куда они ушли.

Но самое главное достижение прогимназии № 34 в том, что она *поразительно* заботится о *здоровье детей*. Число *непосещений* прогимназии – по болезни, это на 500-то малышей, в том числе детсадовцев, составляет 1,9 дня в год!

И секрет заключен в элементарном *внимании* к детям. Ну, например, ребенок неважно себя почувствовал. Учитель немедленно сигнализирует школьному врачу. И тот его тут же забирает к себе. Если элементарная простуда – помогут немедленно: здесь для этого есть все! Если неможется, уложат в уютную кровать – здесь существует полустационар, дадут нужные лекарства. На каждого ребенка своя, индивидуальная история болезни, которую справедливее бы назвать историей здоровья. Профилактика, скорое обнаружение болезни, немедленное лечение в школьной больничке, а их не одна, а несколько, на разные возрасты, неэкономия на медицине, ее полноценное присутствие в прогимназии, наравне с образованием, воспитанием, как, впрочем, искусством и спортом, практическое преодоление заборов между домом, где, кстати, может быть и менее комфортно, школой и докторской помощью – я специально выбираю эти слова – и привело к блистательному успеху: ребенок отсутствует здесь меньше двух дней в год по причине нездоровья! И, уж будьте уверены, все неприятные диагнозы здесь выявляются вовремя.

Начальная школа, доведенная до высших образцов удобства, соединенная с детсадом и подчиненная, пожалуй, детсадовским – более высоким в медицинском значении, чем школьные, – нормам, сердечность, домашность – и вот результат. Может стать бесплатным образцом для страны. Должен бы! Но не становится.

Школьное здравоохранение вообще притча во языцех. У нас даже нет современных медицинских кабинетов в школах-то! Все на уровне 60–70–80-х годов, за редким исключением. Вот почему масса детей, приходя в школу здоровыми, здоровье теряют: ухудшается осанка, теряется зрение. Детский спорт, надо подчеркнуть – школьный спорт, фактически исчез. Интерес к детям есть у тренеров, разыскивающих звезд с выдающимися физическими данными. А без них? Где школьные соревнования? Школьные рекорды? Эстафеты? Классные футбольные команды? Где школьные волейболисты, баскетболисты, гимнасты, борцы?

Кое-где есть. Там, где сильное родительство и активное учительство. Но много ли таких? А кто назовет нам, к примеру, известного учителя физкультуры? Хотя бы в рамках района? Города? Не говорю уже про масштабы страны.

Где детские спортивные школы (ДСШ), которых были тысячи, и не для профессионально подготовленных мастеров, а просто для ребят? Для всех? Поистине демократические? Да они просто ликвидированы. Как ликвидирова-

ны театры юного зрителя, к примеру. Как не пополняются, а значит, медленно угасают детские библиотеки, которые в районах, городах слиты со взрослыми в централизованные библиотечные системы (ЦБС) якобы для экономии средств, а потому вторичны, зажаты, существуют кое-как.

Недавно при Министерстве культуры РФ создан Общественный совет по детской культуре. Первую встречу мы посвятили “детям риска”, доступности культуры именно для них. Речь шла не только о детях-сиротах и инвалидах, но и о детях из интернатов для умственно неполноценных, школ для учеников с задержкой психического развития, детским церебральным параличом, санаторно-лесных школ, туберкулезных санаториев, колоний для несовершеннолетних. И прочее, прочее, прочее. Одних только коррекционных классов для детей с задержками в развитии около 15.000, и там занято 37.000 учителей!

Ареал проблемного детства составляет 1,5–2 миллиона детей. И, по крайней мере, половине их пресечены пути хоть к какой-то культуре, кроме, может быть, вечно включенного телевизора – он очень часто осуществляет идею беспривязного содержания этого народа.

Совет решил предложить органам власти всех уровней конкретные проекты, частично уже и существующие. Но как всегда – кое-где, и стараниями энтузиастов, а не в виде государственной системной поддержки. О системности пока говорить рано, но речь идет о включении литературы, специально адаптированной и даже написанной для таких детей, о театре, прежде всего кукольном – в Петербурге, к примеру, создана “Театральная неотложка” для этих ребят, – о телевидении, откуда выбран мультсериал “Как правильно говорить?”, изобразительном искусстве...

Все это хорошие, благие намерения, но бюджетный кодекс передает экономическую составляющую вниз, на муниципальный уровень, а денег там всегда нет, вот и детям не достанется.

И еще один простенький вопрос: как реализовать общероссийский гуманитарный проект в условиях, когда идея-то общероссийская, значимая, а исполнение, простите, районное?

Но ведь нет районной инвалидности, есть просто инвалидность, российское бедствие. Нет районного сиротства, а есть сиротство российское, и эти дети даже в захудалом районе не должны по причине его захудалости жить хуже, чем дети региона процветающего, достаточного, хотя и таких-то раз-два и обчелся.

Все такие дети равны, ибо все они зависимы от государства в целом, а не от одного только его района.

Совершенно неверный путь избрало Минобрнауки, решая проблему сиротства. Монетаризм победил и тут – людей стали соблазнять деньгами, только заберите детей под опеку и попечительство.

В интернате или детдоме один ребенок обходится казне от 80 до 150 тысяч рублей в год. Раздавая ребят гражданам, государство снимает с себя все накладные расходы, выплачивая только то, что полагается ребенку на питание, одежду и “вознаграждение” приемным родителям. Экономия огромная!

Но как только настал кризис, детей стали возвращать пачками! В 2009 году возвращенных будет, по моим предсказаниям, около 10.000 (в 2008 – 6.000, в 2007 – 4.000).

Но, позвольте, ведь прошлые годы не были кризисными? В чем дело?

А дело в том, что всякий материальный соблазн в таком деле – наивен или бесстыден. Для того чтобы взять в семью дитя с целым пакетом его глубоко индивидуальных и непростых проблем – нужны не только деньги, но и душа, и сердечность, и моральная готовность “тянуть” его по жизни. Такие люди есть. Увы, их все меньше.

Но вот где деньги не помешали бы, причем ежемесячно, а не разово, так это при усыновлении. Отдавая ребенка на усыновление, казна снимает с себя вообще все обязательства и, прежде всего, на последующее обеспечение такого ребенка жильем. Так помогите такой семье до совершеннолетия усыновленного – глядишь, семья что-то бы накопила на его будущее. Особенно это может помочь деревенским усыновителям.

И здесь вновь и вновь просто помяну лишь позитивный, двадцать лет существующий опыт семейных детских домов, созданных Детским фондом. С 1996 года система эта выкинута из государственного оборота! Ей-Богу, что-

то неладно в нашем королевстве, если дело есть, отличный результат существует, премьер-министр – за, а бумаги казенные – даже не закон, а постановление Правительства, подписанное еще Черномырдиным, – всё гробят...

7

У нас редко поминается такое понятие, как *экономика детства*. Может быть, ее трудно выделить из основной, так сказать, экономической массы.

Невозможно вычислить, сколько электричества идет на подогрев бутылочки молочной смеси на младенца в сравнении с тем, сколько его будет потрачено, чтобы поджарить яичницу папе.

Однако хорошо известно, что потребление товаров, производимых для младенцев – отдельно, для детей постарше – отдельно, и для детей, скажем, от 13 до 17 лет – совсем уже отдельно, – выражается в огромных и затратах, и объемах, и суммах.

Экономика детства в России – особая ипостась, когда соединяется, казалось бы, несоединимое: совесть и киловатты, бесстыжесть и квадратные метры, мораль и деньги.

Однако как-то недостает у власти возможности посчитать, во сколько ей обходится недолюбленное, недоцелованное, недоласканное детство, когда молодая мать бросает свое дитя, и оно, ни в чем не повинное, бредет с опущенной головой по жизни, “гарантированной” ему государством, – сначала в дом ребенка, в дошкольный, школьный детдом или интернат, по пути признается человеком с задержкой психического развития, а далее, неустроенное, безквартирное, малограмотное, но имеющее полное право жить как все, уже без всякой задержки в своем развитии, совершает разбой, садится в колонию для несовершеннолетних с тем, чтобы, выйдя оттуда и став совершеннолетним неприкаянным существом, вновь и вновь совершать свои вынужденные злодеяния хотя бы для того, чтобы получать первое, второе и даже компот, койку и крышу над головой уже во взрослом заключении.

Милое наше, родное, драгоценное российское государство! Когда же ты, наконец, в полный фас обернешься к малым сим, чтобы сберечь народ свой?